

мирования читательской и творческой культурной среды — от создания читательских обществ и библиотек, книгоиздательств и книготорговли, органов провинциальной периодической печати до истории театрального дела и драматургии на Урале. В новую историю уральской словесности органично вписаны творческие судьбы журналистов, театральных и культурных деятелей, каждый из которых внес свою лепту в становление литературной самобытности региона.

Вторая книга тома целиком посвящена истории русской уральской литературы второй половины века, эпохи утверждения и расцвета русского реализма. Она рассмотрена по локальному принципу с позиций геоэтики. Понимание Урала как геоконцепта влечет за собой необходимость отдельного литературного картографирования всех частей региона.

Во второй половине века уральская литература осознает свою самобытность и утверждает свой высокий региональный статус. Она входит в русскую словесность на правах «областной литературы» (термин Д. Мамина-Сибиряка) и выделяется, по мнению авторов ее истории, такими чертами, как социологизм, натурализм и этнографизм. Решающую роль в этом сыграло творчество крупнейших уральских писателей Ф. М. Решетникова и Д. Н. Мамина-Сибиряка, которым посвящены самые объемные монографические главы. По-новому осмыслен их вклад не только в уральскую, но и — главным образом — в русскую словесность. Новую трактовку получает «реалистическое» творчество Решетникова, впервые детально рассмотренное в историко-литературной перспективе (его роль в истории русского натурализма, так называемая «плохопись», предвещающая стиль А. Платонова, и др.). Определяется масштабность и значимость социальных романов и очерков Мамина-Сибиряка, которому «принадлежит честь выделения

„областной“ словесности региона из общероссийского контекста» (с. 27), как наиболее яркого и характерного представителя «прагматического реализма» (И. А. Дергачев) в контексте общерусской литературы XIX века.

Важно отметить высокий уровень издания с позиций современной текстологии: исследованию присущи тщательный отбор источников, строгая выверенность цитируемых текстов, высокое мастерство комментариев.

В работе реализован важнейший принцип современного литературоведения: необходимость обращения не только к значительным и общепризнанным писателям, как А. С. Пушкин, В. И. Даль, С. Т. Аксаков, П. П. Ершов, Ф. М. Решетников, Д. Н. Мамин-Сибиряк, но и к писателям практически забытым, мало известным или вовсе не известным нынешнему читателю. Исследователями по крупницам собран материал о жизни и творчестве литераторов, имена которых часто буквально возвращаются из небытия. В томе представлен обширный ряд разделов, посвященных творчеству таких авторов, как П. М. Кудряшев, А. П. и О. П. Крюковы, А. В. Лоцманов, Д. Д. Смышляев, Л. В. Кигл-Дедлов, Ф. Д. Нефедов, Е. А. Словова-Камская, А. А. Кирпищикова, П. П. Инфантьев и др.

Широчайший охват материала позволяет говорить об энциклопедическом характере второго тома истории уральской литературы. В нем воссоздана панорамная картина литературной и культурной жизни Большого Урала, каждая деталь которой открывает перед читателем самобытную ветвь русской словесности XIX века.

Сохраняя характерные черты академического исследования, издание лишено избыточной наукообразности. Оно доступно не только специалистам-гуманитариям, но и широкому кругу читателей, интересующихся отечественной литературой и культурой.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-245-247

© А. В. Романова

«ПОСТИЖЕНИЕ ЧУВСТВ ОБОСОБЛЕННОЙ ДУШИ-ОДИНОЧКИ...»: ЕЩЕ РАЗ О ГЕРОЯХ И. А. ГОНЧАРОВА*

Владимир Игоревич Холкин по образованию — театральный режиссер. В последней трети прошлого века он ставил спектакли

* Холкин В. И. 1) Илья Обломов: жизнь вопреки... Ульяновск: ОАО «Областная типография „Печатный двор“, 2012. 160 с.; 2) «Жизнь как „роман существования“» (экзистенциальный смысл сочинений и персонажей Гончарова) / Ил. Олега Чернова. Ульяновск: Тамбов: ООО «ТПС», 2019. 152 с., ил.

в разных театрах, но изменившиеся обстоятельства жизни¹ в конце концов привели его к литературной работе. Он известен читателям «Русской литературы» по двум опубликованным статьям: «Русский человек Обломов» (2000. № 2. С. 26–63) и «Путник одиночного

¹ См.: Крышук Н. Живущий вслед своей душе... // Первое сентября. 2013. № 1. <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=201300131>; дата обращения: 11.01.2022.

вдохновения: О двух стихотворениях Кюхельбекера» (2003. № 4. С. 121–140), а также по четырем десяткам других публикаций: статей, эссе, рецензий, повестей, рассказов, стихов в журналах «Звезда», «Новый мир», «Континент», «Вопросы литературы», «Нева», «Октябрь», «Дружба народов», статей в научных сборниках «Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова» (Ульяновск, 2003), «Sub speciae tolerantiae (Памяти В. А. Туниманова)» (М., 2008) и «Обломов: константы и переменные» (СПб., 2011); и по книгам, написанным в соавторстве с А. А. Масловым: «Действующее лицо: предположения об одном современном портрете Пушкина» (СПб., 2009), «Блок: двенадцать персонажей одной души» (СПб., 2010). Возможно, читатели постарше вспомнят два его рассказа о декабристах (в соавторстве с Е. Юдиным) в № 12 журнала «Костер» за 1975 год.

Круг литературных интересов Холкина широк: русские сказки, в XIX веке — А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, А. Ф. Вельтман, А. С. Грибоедов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, в XX веке — А. Блок, Ю. Олеша, Д. Самойлов, Ю. Казаков, А. Найман, Н. Крышук и многие другие.

Особенно глубоко Холкин погружается в исследование творчества И. А. Гончарова, по несколько раз возвращаясь к своим размышлениям. Они кристаллизуются и систематизируются с течением времени. В центре внимания — роман «Обломов», «первый русский экзистенциальный роман». ² Ему в основном посвящены оба рассматриваемых сборника. В 2012 году написанные к тому моменту статьи были объединены в первый сборник, но персонажи Гончарова не отпустили Холкина. Новый сборник дополнен несколькими статьями, он больше по объему, и можно сказать, что именно он выстроен в соответствии с идеями, проводимыми исследователем (в первом сборнике порядок статей был другой). Главное в подходе к персонажам романа то, что, по мысли Холкина, существование человека может быть и должно быть только свободным, только сам человек имеет право выбрать, как именно он существует и будет существовать. Однако подобная свобода свойственна не всем. Таков Обломов, такова Агафья Матвеевна, но больше среди героев романа совершенно свободных нет, а есть те, кто так или иначе испытывает и воплощает в жизнь самообман или самоприращение.

Тексты Холкина можно разделить на эссе (большинство) и статьи. Эссе у него обладают формальными признаками статей — отсылками к Полному собранию сочинений и писем И. А. Гончарова и к работам других авторов, оформленными как подстрочные примечания. Но суть от этого не меняется. Постоянно называющее, объясняющее, определяющее, временами даже слишком избыточное авторское

слово, проникающие вглубь гончаровского романа и человеческой природы размышления, отмеченные исповедальностью, сходны с режиссерскими объяснениями актеру, как следует понимать ту или иную роль. «Каждый по своему ремеслу», говорит восточная мудрость.

Впечатляет свободный диалог с произведениями самых разных писателей — Пушкин, Гоголь, И. Киреевский, Руссо, Кальдерон, Р. Брандштеттер, В. Шаламов, Г. Шпет...

Эссе «Русский человек Обломов» (в сборнике 2012 года — часть статьи «В Обломове с любовью отражается все то хорошее, что есть в русском человеке...») содержит ключевые для дальнейших размышлений автора понятия: похвальные — душа, человек, верность, исповедальность, полнота, любовь, идеал, одиночество (как «стихийно упорная защита своей самобытной свободы» (с. 63)), соотносимое с «отдельной-для-себя душой» Гончарова-романиста (с. 40), самосохранение, жизнь, чувство, покой, смирение, подлинность, театр (в случае Обломова — не как притворство, а как искусство) — и осуждаемые: рассудок, воля, тип, дробность, злободневность, наставничество, умышленность, «обломовщина», благоразумие. Холкин осмысляет основной конфликт романа, поэтому обращается ко всему его тексту. Им владеет «перечень беспокойных чувств, вызванный на свет Божий чтением <...> романа» (с. 33). Тон задается изначально: «Обломов не есть человек сообщества, в которого Гончаров не верит, поэтому и роман не есть исследование особенностей общественной жизни современного этому роману человека, а есть развоплощение и постижение чувств обособленной души-одиночки, озабоченной самосохранением» (с. 4). Обломов целен, и для того, чтобы оттенить его цельность, автор привлекает рассуждение Р. Эмерсона о доверии к себе (с. 38). Прочие (в большинстве) — доверяют другим. Ольга, Штольц, Агафья Матвеевна затронуты автором, но ему еще многое остается сказать.

На следующем этапе размышлений — «Обломов и „другие“» (в сборнике 2012 года — часть статьи «В Обломове с любовью отражается все то хорошее, что есть в русском человеке...») — выявляются главные не-цельные, не доверяющие себе и потому суетные персонажи, которых разоблачает общение с Обломовым: Ольга («...если в истоке отношений „другим“ была Ольга, то на исходе их „другим“ чувствует и понимает себя Обломов...» (с. 33)) и Штольц («...все <...> настаживает и заставляет усомниться в естественности умышленной, самостроительной логики жизни Штольца» (с. 35)). Здесь развивается мотив театральности: Обломов наблюдает (и отчасти режиссирует, как в случае с Захаром (с. 34)), другие — сами принимают на себя роли: «Жизнь Обломова — это жизнь <...> по зрительскую сторону „сцены“...» (с. 36). Театральность, игровая стихия, по мысли Холкина, пронизывает роман, она более тщательно рассмотрена в третьем тексте сборника — «Те-

² Там же.

атр для себя (два романа Гончарова: сценическая вероятность)» (так же в сборнике 2012 года), посвященном проблемам театральной и киноинтерпретации «Обломова» и «Обыкновенной истории». Холкин значительную часть статьи отдает наблюдениям над работой драматурга и ее отличием от работы романиста: «...прозаическое слово не прощает произвольного, корыстного извлечения из глубины своего контекста, из первозданной ткани цельного повествования» (с. 40). Далее образы «других» в «Обломове» и их интерпретация в кино- и театральных постановках (где неудачную роль сыграла «обломовщина» в ее тривиальном понимании) вызывают у Холкина желание обращения еще более пристального внимания на Ольгу и Штольца. В тексте «Любовь в берегах — от изумления к разумности (Андрей Штольц и Ольга Ильинская в романе «Обломов»)» и его естественном продолжении и развитии «„Кристаллизация“ любви и устройство жизни (Илья Обломов, Ольга Ильинская, Андрей Штольц)» (в 2012 году обе еще не включались в сборник) автор рассматривает отношения Обломова и Ольги и затем Штольца и Ольги как разрушительные для души каждого из них в силу ошибочной мотивации. При этом исследование этих двух образов идет изнутри, это, можно сказать, герменевтика, чистое истолкование того, что в романе написано, без привлечения того, что думал и писал о своем романе Гончаров. Сюжет «ухода» Обломова из любовных отношений с Ольгой логично завершается в тексте «Илья Обломов. „Уход“ или „побег“ (заметки о прощальном письме и не только о нем)», публикуемом впервые. Здесь Холкин выделяет три стадии «ухода»: «долговременный рост последовательных и положительных оснований самого мотива „ухода“; возникшее вслед основательному мотиву настойчивое побуждение к его воплощению и, наконец, действительное и окончательное свершение события „ухода“» (с. 68). Исследование самого текста письма Обломова к Ольге — тщательнейшее вглядывание, анализ тончайших оттенков смысла, и при этом — переключки со статьей И. З. Сураат «„Творить жизнь“: сюжет ухода у Пушкина и Толстого» (2013), на что указывает в начале сам Холкин.

Отношения Обломова с Агафьей Матвеевной исследованы в тексте «Душечка или душа? (о сходстве и различии героев Гончарова и Чехова)» (в сборнике 2012 года подзаголовок другой: «женщина и любовь у Гончарова и Чехова»). Холкин, как нам представляется, впервые в литературоведении (на момент первой публикации) объясняет «внутреннее молчание» Агафьи Матвеевны не ее недалекостью или необразованностью, но ее любовью к Обло-

мову («Душа ее настолько преисполнена благом, что состояние это преобразуется в свойство — цельное, сплошное и смотреть на себя извне не могущее. А потому и невыразимо оно, потому и безмолвно» (с. 86)).

Эссе «Андрей Штольц: понять Другого» (так же в сборнике 2012 года) — размышление о Штольце как таковом, исследование драмы его души — двуединости «уверенности, качнувшейся в сомнение, и <...> дара понимания, ощутившего неполноту способности суждения» (с. 99).

Однако три последние работы нового сборника — это именно статьи по стилю. В них по большей части отсутствует «плетение словес» и прослеживается обычная схема написания такого рода текстов. «Илья Обломов в „обратной перспективе“» (так же в сборнике 2012 года) — это исследование вопроса о религиозности Гончарова в полемике с В. Н. Криволаповым («Типы и идеалы Ивана Гончарова», 2001), рассматривавшим Обломова в контексте «последовательно воплощаемой им идеи личности Обломова как патриархальной русской, а души как православной и потому духовно праведной» (с. 113), а также с А. С. Кондратьевым («Трагические итоги духовной биографии Обломова», 2003), сводившим, по мнению Холкина, «образ к концепции, духовность к благодати, а „голубиную нежность и золотое сердце“ Обломова к смиренности „божьего человека“» (с. 121). Затем Холкин, обращаясь к гончаровской «Необыкновенной истории», к его переписке, к работе М. Ф. Суперанского «Болельщик Гончарова» (1913) и известному письму духовника писателя, священника В. Перетерского, приходит к выводу, что религиозное поведение Гончарова было «обычным и за рамки принятого в обществе отправления православного культа <...> не выходящим» (с. 126).

Этюд «О двух очерках («Слуги старого века» И. А. Гончарова и «Домашняя челядь» Н. С. Лескова)» (не входил в сборник 2012 года) касается «Обломова» лишь кратким упоминанием о Захаре и его барине. Представляется вероятным, что Холкин еще разовьет этот сюжет в дальнейшем.

Завершается сборник статьей «Долгая память чувства («Миллион терзаний» и «Обрыв»)» (не входила в сборник 2012 года), полной тонких наблюдений над Гончаровым — почти что Чацким в переписке писателя с Е. В. Толстой (которая, как известно, является одним из прототипов Ольги в «Обломове» и Софьи Беловодовой в «Обрыве») и над тем, как реальная жизнь автора вошла в его романы.

Хочется отметить лаконичные и одновременно глубокие иллюстрации художника Олега Чернова в сборнике 2019 года.